

Стоит ли философии претендовать на место в политическом пространстве?

Роцинский Станислав Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: rotsinsky@bk.ru

Рассматривается проблема взаимодействия политики и философии в решении вопросов управления обществом и государством. В ходе анализа истории вопроса выделены два противоположных подхода к оценке отношения власти к философии: софократический (учение Платона) и технократический (концепция К.Поппера). Примирением этих крайностей выступает синтетическая точка зрения, согласно которой оптимальным типом взаимоотношения философии и политики является их «неслиянное единство»: когда государственные правители, не являясь философами, обладают философской культурой и не препятствуют философскому свободомыслию. При этом доказывается, что философская составляющая явно или неявно присутствует в цивилизованном политическом мышлении, выступая регулятивным началом при принятии решений. И если философия как академическая дисциплина является занятием профессиональных философов, то философия как «логика культуры», как философия коммуникации, диалога, уважения интересов Другого непременно может и должна быть мудрой советчицей государственных лидеров и просто политиков.

Ключевые слова: Философия, политика, государство, власть, софократия, технократия, мудрое правление, логика культуры, философия нового мышления.

The article addresses the problem of interaction of politics and philosophy in the management of society and the state. As a result of historical analysis the author singles out the two opposite approaches to the relation of power to philosophy: the sophocratic (Platonic) and the technocratic (Popperian). A reconciliation of these extremes is attainable in a synthetic point of view, according to which the best type of relationship between philosophy and politics is their «unmerged unity»: when the state governors are not philosophers yet have a philosophical culture and do not interfere with the philosophical freethinking. Proved thus, that philosophical constituent obviously or unobviously is in the civilized political thought, coming forward the regulativnym beginning at making decision. And if philosophy as academic discipline is employment of professional philosophers, philosophy as «logic of culture», as philosophy of communication, dialog, respects of interests Other certainly can and must be wise sovetchicey of state leaders and simply politicians.

Keywords: philosophy, politics, government, authority, sophocracy, technocracy, the wise rule, logic of culture, philosophy of new thinking.

Отношения между политикой и философией являются частным случаем того всеобщего отношения, которое существует между практикой и теорией, сущим и должным, индивидуальным и универсальным. Еще Аристотель указывал, что если философия имеет своим предметом первые причины и начала всего сущего, то все другие рассудочные дисциплины занимаются отдельными областями сущего,

«имеют дело с тем или другим <специальным> бытием, и, отведя себе какую-нибудь <отдельную> область, они занимаются этой областью, а не сущим просто как таким»¹. Прямым углом занимается и геометр, и плотник, но первый видит в его свойстве истину высшего порядка, тогда как второму он нужен для использования в деле. Подобным образом это различие в особенностях мышления относится и к случаю с философией и политикой.

Тем не менее, многие философы считали, что в вопросах политики частное не следует отделять от всеобщего, что философский разум способен научить преобразовывать не только природу, но и общество, что задача власти и есть осуществление абсолютно должного по проекту, созданному философской мыслью. Начало такого воззрения было положено в учении Платона, позже тезис «разум может всё» лег в основу социально-политической мысли европейского Просвещения. Как отмечает современный исследователь данного вопроса Б.Г. Капустин, для сторонника такой позиции философа-рационалиста нет сомнения в том, что он «знает, как преобразовать познанный предмет в целях его собственного совершенствования, чтобы он более полно и последовательно (непротиворечиво) воплощал ту "объективную" истину, которая открылась "чисто научному" мышлению»².

Конечно, не всякая философия, рассуждающая о политике и власти, претендует на то, чтобы ее идеи становились руководством к действию. Равным образом и политика, занятая проектами социальных преобразований или же вопросами завоевания, осуществления и удержания власти, может и не оглядываться на существующие философские теории и доктрины, что, собственно, чаще всего и происходит. Но даже в таких случаях эти две области не остаются в полной изолированности друг от друга. Связь между ними всегда существовала – явная или неявная, прямая или косвенная, положительная или отрицательная.

Философия и политика – извечные друзья-враги. Сближает их то, что и философия, и политика являются формами человеческой культуры, для той и другой свойственно стремление к истине. И та, и другая с помощью своих специфических средств занимаются проблемами человека, общества, отношений между людьми. В политике философия черпает эмпирический материал для своих теоретических обобщений, в философии содержатся полезные для политики мысли

¹ См.: Аристотель. Метафизика. М.-Л.: Госсоцэкономиздат, 1934. 1025 в 1–26.

² Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 2000. С. 92.

по части теории, методологии, логики истории и культуры. Это и многое другое могло бы служить основой для мирного и взаимопользительного сосуществования этих двух областей человеческой деятельности. Но, с другой стороны, в характере и целях этой деятельности есть немало такого, что не позволяет политике и философии жить в вечном согласии, что не делает их отношения дружескими, а, напротив, нередко приводит к их вражде.

Причин тому много, и одной из главных являются разногласия гносеологического свойства. Если философия занимается поиском и обоснованием наиболее общих законов сущего и должного, то политика озабочена исследованием дел насущных, связанных с решением проблем настоящего и обозримого будущего. Если предметом философского дискурса являются идеи, а столкновение позиций и мнений в этой сфере происходит в форме дискуссии, полемики, взаимной критики, то аргументами политического языка власти являются интересы, а при возникновении политических разногласий «оружие критики» нередко заменяется «критикой оружием» (Маркс).

Проблемами политики и государственности философия занималась чуть ли не с самого своего зарождения. Еще в VI веке до н.э. в Китае Конфуций создал социально-этическое учение о государстве, которое не теряет там своей актуальности по сей день. Особенностью этого учения было то, что оно явилось не плодом умственных построений, а систематизацией тех отношений, которые уже складывались в тогдашнем китайском обществе. Примерно полтора века спустя в Древней Греции на арене политической риторики появляется колоритная фигура Сократа. В отличие от Конфуция, который в известном смысле апологизировал традиционные порядки и отношения, Сократ, излагая свои социально-этические идеи, преуспел в критике той формы государственности, которая существовала в его время в демократических Афинах. «Цари и правители, говорил Сократ, – не те, которые носят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию или насильем или обманом, но те, которые умеют управлять»³. Так писал Ксенофонт, ученик и биограф Сократа.

В трагическом итоге жизненного пути Сократа ярко выразилось отношение к философской критике в адрес власти со стороны носителей и охранителей этой власти. Ханна Арендт в своей работе «Философия и политика» писала по этому поводу: «Пропасть между философией и политикой наметилась со времени суда и приговора Сократу, которые в истории политической мысли явились таким же

³ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 99.

поворотным пунктом, каким был суд над Иисусом для истории религии»⁴. Вл. Соловьев следующим образом пояснял суть коллизии Сократа с афинскими властями: «Дело именно в том, что антагонизм здесь был не принципиальный в смысле отвлеченно-теоретическом, а жизненный, практический и, можно сказать, личный... Сократ указывал, а главное, доказывал неопровержимым образом умственную несостоятельность своих противников, и это была, конечно, вина непрощенная»⁵.

Честолюбивая подоплека неприятия философских мудрствований людьми, обладающими властью, – факт психологический. Поэт Давид Кугультинов написал по этому поводу:

**«Вам все простится, кроме превосходства
Ума, так прячьте разум», – произнес
Философ хоть с улыбкой, но всерьез...»⁶.**

Осуждение на смерть Сократа не остановило философского интереса античных мыслителей к государственным делам. Его ученик Платон продолжает критиковать афинские демократические порядки и другие «несовершенные» формы осуществления власти. В противовес им он создает свое учение об «идеальном» государстве, рационализированная модель которого осталась в истории как умозрительное построение гениального мыслителя. Прилагая свою метафизику к доктрине государственной власти, Платон доказывал, что функцию ведения государственных дел должны взять на себя философы. В трактате «Государство» устами Сократа Платон говорит буквально следующее: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия – ...до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол»⁷.

«Государством должны управлять философы» – этот тезис Платона на долгие века стал предметом споров. Отрицательную точку зрения на этот вопрос наиболее радикально, пожалуй, изложил Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги». В ней Поппер

⁴ Арндт Ханна. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФРАН, 2008. С. 153.

⁵ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 593.

⁶ Кугультинов Давид. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: ИХЛ, 1970. С. 64.

⁷ Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 252.

задался целью буквально камня на камне не оставить не только от «софократии» Платона, но и от всей философской системы древнегреческого философа. Подвергая тотальной критике «философию историцизма», Поппер всячески доказывал, что государственный руководитель должен заниматься не «утопической социальной инженерией», изобретенной мудрствованиями философов, а исключительно «постепенной, поэтапной инженерией», направляя усилия и ресурсы не на воплощение какого-то идеала, а на решение конкретных проблем частного характера⁸.

Применяющий этот подход политик, писал Поппер, будет исходить из сознания того, что поколение современников стремится прежде всего к тому, «чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить... Поэтому приверженец поэтапной инженерии будет разрабатывать методы для поиска наиболее тяжелых, нестерпимых социальных бед, чтобы бороться с ними, а не искать величайшее конечное благо, стремясь воплотить его в жизнь»⁹.

Таким образом, во взгляде на роль философии в государственном управлении просматриваются по меньшей мере две позиции, причем позиции крайне противоположные. Первая из них содержится в учении Платона и сводится к утверждению, что философия должна служить управляющим началом для политики. Противоположную точку зрения, которую достаточно радикально обозначил К. Поппер, высказывали и другие авторы, в том числе такие авторитетные мыслители, как Кант и Гегель.

В первых же строках своего сочинения «К вечному миру» Кант предостерегает читателя от того, чтобы его размышления как философа («политика-теоретика») о совершенствовании государственных порядков никоим образом не были восприняты в качестве попытки навязать свое мнение политику-практику: «поскольку политик-практик в споре с политиком-теоретиком твердо стоит на собственных ногах... и ухом не поведет, какие бы ходы ни придумывал теоретик, постольку в таком споре политик-практик должен поступать последовательно и не усматривать опасности для государства в мнениях теоретика, высказанных им публично и без задней мысли»¹⁰. Философски обосновывая идею вечного мира, Кант, тем не менее, считал, что ее осуществление должно происходить отнюдь не под руковод-

⁸ См.: Поппер Карл. Открытое общество и его враги. Том 1. Чары Платона. – М.: Культурная инициатива, 1992. С. 199.

⁹ Там же. С. 200.

¹⁰ Кант И. К вечному миру // Сочинения в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи. М.: Ками, 1994. С. 355.

ством философов: «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями; да этого и не стоит желать, так как обладание властью неизбежно повреждает свободное суждение разума»¹¹.

Гегель в своем учении об обществе и государстве исходил из того, что их развитие представляет собой, по сути, процесс естественно-исторический. Своего «идеального» состояния государство может достигнуть не сразу, будучи выстроенным по образцовому плану мудреца, как это мыслил Платон, а в результате длительного хода постепенного развития. Совершенствование государства происходит по мудрости не субъективного, а объективного духа, по воле высшего разума, который правит миром. «...Идея осуществляется в мире, и ...вовсе не необходимо, чтобы правящие обладали идеей»¹². Если бы даже правители государства и обладали этой высшей идеей, им вряд ли удалось бы ее осуществить. Ибо «это осуществление лишь частью совершается мыслью, частью же оно совершается благодаря внешним обстоятельствам, благодаря человеческим действиям как средствам»¹³ [8, с. 134]. Обладающий энтелехийной силой мировой разум, прокладывая себе дорогу через частные препятствия и временные отступления, выступает в конечном счете высшим архитектором государственного строительства.

Гегель на конкретных примерах показывает, что соединение философии и бразды правления государством, имевшее место в истории, не давало сколько-нибудь ощутимого позитивного результата. В частности, «философом на троне» был римский император II века Марк Аврелий. Как философ это был крупный представитель позднего стоицизма. Но данное его достоинство не имело особого значения в управлении государством. «...Мы можем указать только частные его поступки, – пишет Гегель, – а Римская империя не сделалась благодаря ему лучшей» [8, с. 136].

В ряду философов-правителей можно назвать и более известные нам имена наших отечественных правителей – Екатерины II и В.И.Ленина. «Философствующая на троне» русская императрица на самом деле философствовала не на троне, а, скорее, в свободное от государственных дел время. Ибо как только дело касалось именно дел, а не рассуждений, в том числе и выраженных в ее знаменитом «Наказе», то всякие либеральные идеи, заимствованные из европей-

¹¹ Там же. С. 429.

¹² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 134.

¹³ Там же.

ской мысли, властно корректировались фактором «внешних обстоятельств», увязали в неподатливой, консервативной среде российской действительности, объективно не готовой к восприятию идей французских философов-просветителей. Что касается Ленина, то его деятельность в качестве политика-философа описана достаточно обстоятельно с самых разных сторон. Я же отмечу лишь один момент, который заключается в том, что в действительности Ленин ни в коей мере не был «софократом»: у него философия вовсе не первенствовала над политикой, а, напротив, служила лишь инструментом в политической технологии. Для него любые истины, даже истины математики, если они задевают интересы людей в их классовой борьбе, достойны опровержения¹⁴. Если же вспомнить еще и Сталина, то он в еще большей степени, чем Ленин, поставил философию в зависимость от политики, к тому же при помощи репрессивных средств.

Таким образом, аргументов в подтверждение того, что у философии не получалось быть успешной руководительницей политическими делами, наберется предостаточно. Однако что касается доказательств обратного свойства, свидетельствующих о том, что игнорирование философии, отказ от прислушивания к ее голосу при принятии политических решений приводит к ошибочности, а то и вредности этих решений – то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Ибо для объяснения провалов в политике всегда найдется масса других причин, и вряд ли за них кому-нибудь из государственных деятелей будет поставлено в вину небрежение философией. Прагматически ориентированное сознание всегда будет искать причины в ошибках и просчетах политиков, распад СССР будет объяснять тем, что он произошел в результате «аппаратных игр», подрывной деятельности «агентов влияния», тайного сговора сепаратистов и т.п.

Политтехнологическое разумение исторических событий никогда всерьез не воспримет их философского толкования. Например, в духе историософской концепции Вл.Соловьева, согласно которой «установление внешнего, политического единства решительно обнаружит его недостаточность»¹⁵, вследствие чего после стадии принудительного единства собирательного государственного тела закономерно наступает период его дробления. Равно как и не примет оно гегелевского объяснения причины падения политических режимов тем, что их оставляет «историческая необходимость». «Сколь слепы те, кто

¹⁴ См.: Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Избранные сочинения. в 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 59.

¹⁵ Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 478.

полагает, – писал Гегель, – что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более нравам, потребностям и взглядам людей»¹⁶.

Однако отношение к вопросу о возможности философии каким-то образом влиять на политические события не ограничивается лишь полярными точками зрения. Взаимодействие тезиса и антитезиса предполагает синтез. Исторический пример и соответствующее толкование такого синтеза мы находим опять-таки у Гегеля. Речь идет о личности и деятельности прусского короля Фридриха II, которого Гегель называет «философическим королем», поскольку тот занимался вольфовской метафизикой и французской философией, сочинял стихи и «был, таким образом, философом согласно воззрению его времени». Однако философия, отмечает Гегель, была его личной склонностью и не была непосредственным образом связана с его королевскими функциями. «Но, – продолжает далее Гегель, – он был философическим королем также и в том смысле, что он сделал для себя принципом во всех своих действиях и во всех своих учреждениях совершенно общую цель, благо, пользу своего государства, противопоставляя этот принцип договорам с другими государствами, партикулярным правам в своем собственном государстве, подчиняя их себе и для себя всеобщей цели»¹⁷.

Следовательно, по Гегелю, критерием достоинства государственного руководителя не может быть ни всецелая его поглощенность философией, ни отсутствие в его личной культуре всяческой философии. Мудрый правитель тот, кто в своих действиях руководствуется определенными принципами. Выбор же этих принципов, в свою очередь, напрямую связан с его «философичностью», или, говоря проще, с его философской, интеллектуальной культурой.

И.Кант, будучи сторонником принципа «разделения труда» между правителями и философами, отстаивал вместе с тем и принцип свободы философского слова, поощрительного отношения властей к философам и их занятиям: «Но короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем, и другим для внесения ясности в их деятельность»¹⁸. Кант говорит о свободе

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 50.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. С.134.

¹⁸ *Кант И.* К вечному миру // Сочинения в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи. М.: Камі, 1994. С. 355.

слова и мысли как важнейшем условии, при котором возможно сотрудничество политики и философии, власти и просвещенной части общества. Монарх, законодатель «сам наносит ущерб своему величию, – писал философ, – ...когда он доверяет своему правительству надзор над сочинениями, в которых его подданные пытаются разобратся в своих взглядах»¹⁹. Принципы свободы мысли и слова, провозглашенные И.Кантом, стали впоследствии нормами жизни цивилизованных обществ. Правда, далеко не у всякой власти хватало мудрости, чтобы следовать этим принципам.

Таким образом, из всего сказанного можно сформулировать некоторые выводы о различных типах отношения философии и политики. Платоновская идеальная модель государственного устройства, где власть принадлежит философии, может быть обозначена, если употребить термин Поппера, как «софократия». Противоположная ей, в которой ценность философии начисто отрицается и правит холодный расчет политической выгоды, заслуживает названия «технократия». Персонифицировать эти модели можно в соответствующих типах правителей: правитель-софократ и правитель-технократ. Если употребить терминологию Канта, то здесь можно говорить о таких понятиях, как «категорический императив» и «условный императив». Для софократа высшим авторитетом является категорический, безусловный императив, обязывающий к исполнению высших для него принципов независимо от сложившихся обстоятельств. Технократ действует по формуле условного императива: если обстоятельства сложатся так-то, то я приму такое-то решение.

Третью, серединную точку зрения, видимо, можно было бы соотнести с синтетическим словообразованием «технософократия». Для наделенного властью лица, исповедующего и осуществляющего эту позицию в своей политической практике, вполне подошло бы название «правитель-мудрец». Мудрый правитель, обладающий философской (и не только) культурой, при принятии решений руководствуется не только прагматическими соображениями, но и основополагающими принципами и нормами культуры, которые, собственно, и являются выражением глубокой жизненной философии своего времени. Преследуя те или иные конкретные цели, исходя из собственных интересов, мудрый правитель в выборе и использовании средств достижения этих целей непременно сверяется с определенными универсальными, общечеловеческими, общепризнанными нормами и принципами.

¹⁹ Там же. С. 141.

Эти принципы, нормы и ценности вырабатываются, конечно, не философами, а опытом человеческой истории. Но формулирует их философия, являясь квинтэссенцией общественного самосознания той или иной эпохи. В разные эпохи эти принципы были, конечно, не одни и те же. У правителей эпохи Платона они были одни, во времена Макиавелли – другие, в век Локка – уже третьи. И т.д. Происходит то медленная эволюция, то резкая смена значений категорических императивов. Для Фридриха II высшей шкалой ценностного измерения принципов был интерес собственного государства, который он противопоставлял «договорам с другими государствами». Принцип «Германия превыше всего» исповедовался многими его наследниками, при проведении в жизнь этого принципа иные правители не останавливались перед применением крайних средств. Бисмарк возвышал Германию «железом и кровью», Гитлер, многократно умножив количество железа и крови и дополнив ассортимент газовыми камерами, вознес этот принцип на запредельную высоту. Но, как известно, чем больше высота, тем сокрушительнее падение. Идеи «Германия превыше всего» больше не существует, во всяком случае она перестала быть государственным принципом. Для правителей современной Германии таковым принципом является не только национальная, но и общеевропейская, и даже шире – общечеловеческая идея. Но в данном случае политический интерес выходит за пределы нации не с целью завоевания господства, а в целях поддержания стабильности, мира и безопасности – и в Европе, и во всем мире. При этом, само собой разумеется, нисколько не снижается значение задачи обеспечения благополучия собственной страны.

С полным основанием можно сказать, что со второй половины XX века в политической жизни цивилизованного мира наступила эпоха коренной смены категорических императивов. В экстенсивном измерении она означает прежде всего необходимость согласования национальных интересов с интересами международного сообщества, в интенсивном плане – признание обязательным соблюдение норм поведения и общения, выработанных человеческой культурой. Терпимость, доверие, взаимопонимание, готовность к диалогу, к компромиссу, ненасилие в разрешении конфликтных ситуаций, демократия, свобода, признание и уважение неотъемлемых прав человека, народа, нации, государства – все эти ценности в последние десятилетия были признаны общечеловеческими. Они и составили понятийную основу той философии, которая в перестроечные годы получила название «философии нового мышления». И эту философию, диктуемую самой жизнью, не могут не исповедовать нынешние правители, прежде всего

тех государств, на которых лежит главная ответственность за судьбы нашего мира. Разумеется, это относится и к российским правителям, тем более что им хорошо известны итоги многолетней изоляции СССР, противопоставившего себя цивилизованному миру. Сегодня государственный лидер, игнорирующий общечеловеческие нормы и ценности, не обладающий философской культурой современного мышления, рискует оказаться в политическом одиночестве или в узком кругу ему подобных правителей.

«Эго-деятель» и «эко-деятель» – такие названия дает Ю.М. Резник типам людей, из которых один – это «человек, ориентированный на себя, игнорирующий общие интересы», а другой – «формирует иной жизненный стиль, который отличается сбалансированным и гармоническим взаимодействием с природным и социальным окружением»²⁰. Эти характеристики полностью относятся к политическим лидерам. И очень хочется разделить оптимистическую веру исследователя данной проблемы в то, что альтернативой существующему эго-системному миропорядку наконец станет «экологический коммунизм, где главными действующими лицами станут эко-деятели»²¹.

Стиль «сбалансированного и гармонического взаимодействия» необходим как для внешней, так и для внутренней политики. В рамках общества фактор времени устанавливает свои категорические императивы мышления и действия, с которыми не могут не считаться субъекты власти. Обеспечивать реализацию прав и свобод человека в рамках закона, не препятствовать диалогу по актуальным проблемам, строить мир, в котором есть место для человека как субъекта свободной и сознательной деятельности – главнейшие требования, которые сегодня предъявляют к власти и представители общественности, и профессиональные философы. Несмотря на то, что осмысление этих назревших вопросов артикулируется и обосновывается этими последними в академическом философском контексте, основной их смысл ложится в русло той «философии жизни», к которой не может не прислушиваться «мудрый правитель».

Разумеется, не всякая философия нужна политике, во всяком случае, для надлежащего уровня философской культуры политических лидеров. В свое время В.С. Соловьев, размышляя над подобными вопросами, исходил из того, что есть «философия школы» и есть «философия жизни». Первая, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет прямой связи с общественной жизнью,

²⁰ Резник Ю.М. Вера в общее дело (Экзистенциальные размышления) // Личность. Культура. Общество, 2014. Т. XVI. Вып. 3–4 (83–84). С. 24.

²¹ Там же. С. 26.

тогда как вторая философия находится внутри этой жизни, стремится участвовать в ее образовании и преобразовании²².

В.С. Библер делает подобное различие при помощи других терминов – философия как «наукоучение» и философия как «логика культуры». Эта вторая философия, которая в последнее время становится все более преобладающей, «в первом приближении... актуализируется именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур»²³. Австрийский ученый Кристоф Гюнцль называет мировоззрение последних десятилетий знакомым нам термином «новое мышление». И вполне резонно утверждает, что угрожающий существованию рода человеческого конфликт между Востоком и Западом «должен быть решен с помощью новой философии, в духе нового мышления..., иначе этот спор может закончиться атомным уничтожением»²⁴.

Вот к тихому голосу такой философии, не всегда пробивающемуся сквозь резкие звуки текущих дел, и стоит прислушиваться политике. И если «философия школы», философия как «наукоучение» вряд ли способна преуспеть в роли наставницы государственных мужей, то философия как «логика культуры», как философия современного гуманитарного мышления непременно может и должна быть мудрой советчицей политических лидеров и просто политиков. А они, со своей стороны, должны благодарно внимать ее советам перед тем, как принимать решения, имеющие жизненно важное значение для государства и для всего мира, для общества и для каждого отдельного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Ханна. Философия и политика // История философии. Вып. 13. М.: ИФРАН, 2008. С. 153–180.
2. Аристотель. Метафизика. М.–Л.: Госсэкономиздат, 1934. 348 с.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. 424 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
6. Гюнцль Кристоф. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М.: Республика, 1993. 191 с.
7. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи. М.: Камі, 1994. С. 353–477.

²² См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 179.

²³ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. С.14.

²⁴ Гюнцль Кристоф. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М.: Республика, 1993. С. 18–19.

8. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Там же. С. 125–147.
9. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 2000. 308 с.
10. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 380 с.
11. Кугультинов Давид. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: ИХЛ, 1970.
12. Ленин В.И. Марксизм и ревизионизм // Избранные сочинения. в 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 59–67.
13. Межуев В.М. Философия и «публичное пространство» // Политическая концептология, 2012. № 2. С. 51–61.
14. Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С.79–420.
15. Резник Ю.М. Вера в общее дело (Экзистенциальные размышления) // Личность. Культура. Общество, 2014. Т. XVI. Вып. 3–4 (83–84). С. 8–26.
16. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 582–625.
17. Соловьев В.С. Оправдание Добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
18. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.